

Приговор по нукусским событиям: риски косовского сценария

*Алишер ИЛЬХАМОВ,
директор Central Asia Due Diligence*

07.02.2023

Наконец, 31 января после более чем двух месяцев судебных слушаний по каракалпакскому делу, по которому проходят 22 подсудимых, судом первой инстанции [был вынесен](#) приговор. Напомним, что речь идет о протестах в Нукусе 1 и 2 июля этого года, вызванных намерениями властей Узбекистана удалить из Конституции положения, гарантирующие суверенный статус Каракалпакстана в составе страны, с правом выхода из нее, если большинство жителей этой республики проголосуют за это на референдуме. При подавлении протестов правоохранительными органами и подразделениями Национальной гвардии по [официальным данным](#) погиб 21, а [по независимым источникам](#) – как минимум 77 человек. [Анализ обвинений](#) в отношении лидеров протестов Даулетмурата Тажимуратова и Лолагул Каллыхановой, который мы представили ранее, доказывал их политическую мотивированность, противозаконность, предвзятость и абсурдность. Не питая надежд на независимость правосудия в Узбекистане, мы призывали узбекские власти к справедливому решению, что предполагало бы оправдание всех или большинство подсудимых. Прислушались ли власти к этому призыву?

На первый взгляд, был достигнут определенный компромисс, заключавшийся в том, что пять подсудимых из двадцати двух [освободили](#) из-под стражи в зале суда. Двоим из них, включая Каллыханову и Калилаева, дали условный срок, остальным назначили срок, но изменили меру пресечения — весьма странная формулировка с правовой точки зрения. Встает вопрос, по каким реальным причинам их освободили. В отношении Каллыхановой, единственной женщины в составе подсудимых, это было сделано, видимо, из репутационных соображений. Четыре из пяти, включая Каллыханову, полностью признали свою вину, и только один – лишь частично. По меньшей мере двое из них свидетельствовали против Тажимуратова, обвиняя его в том, что он ввел их в заблуждение. И это выглядит как своего рода закулисная сделка.

Как бы то ни было, 17 подсудимых все-таки получили реальные сроки заключения, девять из них – довольно длительные, от 7 до 8 лет. Но больше всех получил Тажимуратов — 16 лет тюремного заключения. Приводим ниже таблицу, показывающую, кому какой срок дали и кого освободили из-под стражи.

№	Имя, фамилия	Признание вины	Срок	Выпущены из-под стражи
1	Даулетмурат Тажимуратов	частично	16	
2	Ахмет Сметуллаев	частично	5	мера пресечения изменена
3	Бахтияр Кадирбергенов	частично	7	
4	Байрам Сейтниязов	частично	8	
5	Аллабай Токимбетов	частично	8.5	
6	Саидабулла Медетов	частично	7	
7	Разбек Бекмуратов	частично	8	
8	Султанбек Каипов	частично	8	
9	Азамат Турданов	полностью	5	мера пресечения изменена
10	Лолагул Каллыханова	полностью	8	условно
11	Даулетмурат Жиёмуратов	полностью	8	
12	Кахарман Сейтимов	полностью	5	
13	Азамат Нуратдинов	полностью	5	мера пресечения изменена
14	Нурлан Найыпов	полностью	7	
15	Полат Шамшетов	полностью	6	
16	Бердах Генжебаев	полностью	5	
17	Саламат Калилаев	полностью	3	условно
18	Полат Нурниязов	полностью	4	
19	Саиыпназар Калимов	полностью	6	
20	Нурлан Султамуратов	полностью	3	
21	Арыслан Темирханов	полностью	6	
22	Амирбек Адилбеков	полностью	7	

В среднем, назначенный срок заключения составляет 6.5 лет. Это значительно меньше, чем присужденные сроки по результатам андижанских событий 2005 года, но все же и сейчас приговор, вынесенный по каракалпакскому делу, довольно суров. А самое главное, как и тогда, обвинение и судебное разбирательство были пародией на правосудие.

Разница с андижанским делом в назначенных сроках заключения, скорее всего, очевидно объясняется тем, что в событиях 2005 года все-таки со стороны протестующих имел место элемент насилия (захват тюрьмы, оружейной в воинской части, здания областного хокимията, а также штурм местного офиса Службы национальной безопасности). В этот раз элементов насилия со стороны протестующих было гораздо меньше. Власти утверждают, что погибло три представителя правоохранительных органов, но странным образом не оглашают их имена.

При более внимательном рассмотрении результатов судебного процесса мы видим, что особого прогресса в сторону беспристрастного и справедливого рассмотрения каракалпакского дела так и не было достигнуто. Власти пошли на маленькие уступки в виде условных сроков и «изменения меры пресечения» небольшому числу подсудимых. Большинство подсудимых, как мы отметили выше, получили реальные сроки. В отношении же Тажимуратова было снято только одно, наиболее абсурдное обвинение, сочетавшее ссылки на две совершенно разные статьи Уголовного кодекса страны, на пункт «а» части 3 статьи 104 (умышленное тяжкое телесное повреждение двум или более лицам) и статью 28 (подстрекательство к совершению преступления или организация такого преступления). После снятия этого пункта обвинения срок Тажимуратову сократили с 18 (как запрашивал прокурор) до 16 лет. Это несколько не похоже на компромисс, а с учетом устоявшейся практики в Узбекистане продлевать сроки заключения политическим заключенным по мере окончания первоначального срока, уменьшение длительности тюремного заключения на два года не имеет никакого значения. Что же касается пяти подсудимых, которых освободили из-под стражи, то сделано это было не по оправдательному приговору, а совершенно произвольным образом, с сохранением в силе приговора и без какой-либо формально-правовой мотивировки, скорее всего, по звонку сверху. Да и весь приговор, ввиду все еще сохраняющегося отсутствия реально независимого правосудия в стране, без сомнения, спускался из президентского аппарата.

Завершение судебного процесса в Бухаре было омрачено еще одним печальным событием: через четыре дня после вынесения приговора [скончался](#) один из осужденных, бывший начальник отдела по уголовному розыску МВД Каракалпакстана Полат Шамшетов,. На его персоналии стоит остановиться, учитывая то, что он, наряду с Тажимуратовым, является знаковой фигурой. Вполне вероятно, что его арестовали в силу того, что он, будучи сыном первого и единственного президента Каракалпакстана Даулетбая Шамшетова, имел потенциал стать лидером борьбы за независимость этой республики. Его отец, бывший партийный функционер, был в начале 1991 года [избран](#) Председателем Верховного совета республики, а в ноябре того же года [занял](#) только что созданный пост Президента Каракалпакстана. Это был период, когда на волне «парада суверенитетов» бывших советских союзных республик Каракалпакстан достиг наибольшей автономии в составе Узбекистана, с определенным трендом в сторону достижения полного суверенитета. Однако уже через полгода он под давлением узбекского президента Ислама Каримова был вынужден покинуть свой пост. Уже в 1993 году был [подписан](#) договор между Ташкентом и Нукусом о вхождении

Каракалпакстана в состав Узбекистана в качестве суверенной республики с правом выхода из него, если за это проголосует большинство ее жителей. Скорее всего, у части каракалпакского общества возникла ностальгия по тому периоду между 1991-м и 1993-м годом. Именно опасениями того, что Полат Шамшетов мог, олицетворяя связь с тем периодом, возглавить борьбу за суверенитет и даже, возможно, за выход республики из состава Узбекистана, скорее всего, было вызвано решение узбекистанских властей подвергнуть его аресту и упрятать за решетку, несмотря на то, он, по всей видимости, не принимал активного участия в июльских протестах. В этом же свете можно рассматривать и факт его смерти, причины которой требуют независимого расследования.

Отдельно стоит остановиться на том, как вели себя в суде подсудимые. В то время, как целый ряд из них, по меньшей мере семь, согласно сообщениям прессы, валил всю вину на Тажимуратова, свидетельствуя против него, сам он на протяжении всех слушаний вел себя очень достойно, не изменял своим убеждениям и аргументированно опровергал предъявленные ему обвинения, вступая в полемику с выступавшими и задавая им вопросы, когда был с ними не согласен. То есть, вел он себя достаточно профессионально, будучи адвокатом, и оставил впечатление нестигаемого человека с незаурядными лидерскими качествами.

Если после подачи Тажимуратовым апелляции в вышестоящие судебные инстанции его не оправдают, то очень вероятно, что он станет в глазах каракалпакского народа героем-мучеником, со всеми вытекающими последствиями для взаимоотношений между центральными властями и населением Каракалпакстана. Далее, если до июльских событий в Каракалпакстане не наблюдалось массового движения за выход из Узбекистана, за исключением выступлений небольшой группы диссидентов, находящейся за пределами страны, то теперь возрастает вероятность дальнейшего развития событий по косовскому сценарию. Напомним, что в Косово события развивались очень похожим образом и тоже в связи с диспутом вокруг статуса этого региона в составе Югославии. Началом движения за суверенитет Косово можно считать довольно небольшое по масштабам выступление студентов в г. Приштина в 1981 году, на которое власти ответили массовыми репрессиями и ограничениями той автономии, которую Косово имело до того. Эти действия властей, казавшиеся им необходимой мерой по устранению угроз территориальной целостности Югославии, имели обратный эффект, породив спиралеобразную динамику роста протестов и призывов сначала к приданию Косово статуса республики в составе Югославии, а потом к выходу из состава Сербии.

Другой риск, вытекающий из событий в Каракалпакстане и несправедливого судебного приговора по их итогам, заключается в том, что Шавкат Мирзиёев после такого серьезного политического кризиса пойдет по пути реставрации диктатуры каримовского толка как способа сохранения авторитарного контроля над страной. В этой связи обращает внимание тот факт, что лидер «Алга Каракалпакстан» Аман Сагидуллаев, каракалпакский диссидент в изгнании, давно выступающий за полный суверенитет Каракалпакстана, в своем интервью Медиазоне [объявил](#) о планируемой акции протеста в Нукусе против приговора Тажимуратову. «Мы не планируем уведомлять власти о митинге и дате его проведения, — заявил он, — потому что все, кто согласовывал такие мероприятия, сидят в узбекской тюрьме. И пример Тажимуратова тому доказательство. Подчеркну, что это будет мирный митинг, на котором мы выставим следующие требования: освобождение всех политзаключенных-

каракалпаков, роспуск парламента республики, отставка правительства, прокурора и прочих вассалов, назначенных Ташкентом, а также свободные выборы нового руководства Каракалпакстана». Теперь можно ожидать, что узбекские власти в ответ на попытку организации протеста еще более усилят репрессии в автономной республике, тем самым провоцируя, как и в случае с Косово, новую волну недовольства и протестных настроений.

В свете сказанного выше, возникает необходимость в мерах воздействия на руководство Узбекистана со стороны международного сообщества, чтобы обеспечить соблюдение норм Конституции и международного права в каракалпакском деле и недопущению сползания страны к диктатуре, аналогичной режиму прежнего президента Узбекистана Ислама Каримова. Особую роль в этом вопросе мог бы сыграть Евросоюз, у которого в распоряжении имеется действенный рычаг влияния на узбекские власти, а именно Генеральная система преференций Плюс (GSP+), предоставляющая бестарифный доступ на его рынки странам третьего мира. В 2021 году Узбекистану был [предоставлен](#) статус при GSP+, открывающий для страны прекрасные возможности для экспорта своей продукции на богатые европейские рынки. Автор этой статьи в своей [недавней публикации](#), анализирующей тенденцию к ухудшению ситуации с правами человека в Узбекистане, уже призвал Евросоюз рассмотреть заново, насколько эта страна удовлетворяет условиям предоставления статуса при GSP+, учитывая то, что этот статус присуждается только странам, в которых наблюдается прогресс в сфере прав человека. Описанные нами события в Каракалпакстане и судебный фарс в Бухаре добавляют аргумент к тому, чтобы этот рычаг был задействован на практике.

<https://adcmemorial.org/statyi/prigovor-po-nukuskim-sobytiyam-riski-kosovskogo-scenariya/>